

действительно служил у папы, а теперь отпустите меня, бога ради, и я пойду своей дорогой». Каждый раз, ответив на вопрос, мошенник делал вид, будто порывается уйти, а лжемарвилец как будто удерживал его и продолжал расспрашивать.

Наконец он спросил, как зовут этого несчастного, а тот, ловкий притворщик, бросился на колени, прося пощады, но ни в какую не называя своего имени. «Все равно, черт побери, мы дознаемся! – вскричал допросчик. – Лучше говори сам, да поскорее!» – «Горе мне, монсеньор, – простонал плут. – Сжальтесь надо мной, меня зовут Яков». – «Яков? Ага, негодяй, ты-то нам и нужен! А ну, показывай камень, который ты украл из папской казны, а не покажешь – конец тебе». – «Отпустите меня, сжальтесь, Христа ради, я простой бедняк!» – «Будь я проклят! – говорит марвилец. – Или ты выложишь всю правду, или прощайся с жизнью!» – «О, помилуйте, добрые господа! – причитает Яков. – Делайте со мной, что хотите, воля ваша!» С этими словами он разрыдался, повалился на землю и заломил руки, прикидываясь, будто его бьет дрожь. «Ну вот что, – говорит марвилец, – встань-ка и покажи нам добром свой камень, не бойся, мы не станем его у тебя отнимать, а дадим за него хорошую цену». – «Горе мне! – снова запричитал Яков. – Правда ваша, этот камень у меня, но я его ни за что не продам, хоть убейте. Берите все, что у меня есть, только не камень, и отпустите меня!» – «Э, нет, Яков, так не пойдет. Ты, видно, ничего не понял, а потому поразмысли-ка хорошенько», – сказал марвилец.

Засим он взял мессира Николя и его приятеля за руки и отвел в сторону, а уж они были радыраदेशеньки, что нашли камень, надеясь получить за него щедрое вознаграждение. «Любезные друзья, – говорит им третий спутник, – вот какую удачу послали нам нынче бог и счастливый случай. Давайте подумаем, как нам поступить. Вы ведь помните, что говорил тот гонец: если камень отнять силой, он потеряет чудодейственную силу. Разумеется, нам ничего не стоит забрать его, но, по-моему, лучше уговорить этого человека и купить камень за любую цену – словом, поладить миром, лишь бы только сохранить волшебную силу камня. Правда, при мне денег не много, всего два золотых экю да кое-какая мелочь, но если этого окажется мало, чтобы составить мою долю, и если вы при деньгах, я попрошу вас одолжить мне еще. А я обещаю вернуть долг, как только мы придем в Болонью – там у меня живет богатый родственник, который ссудит меня деньгами и к тому же наверняка не отпустит нас голодными. Если же вы мне не доверяете, сделаем так: пусть тот, кто вложит за камень большую долю, держит его у себя до самого Рима». Николю Соважу и его приятелю это предложение пришлось по душе, и друг Николя сказал, что даст три золотых экю, а он сам раскошелится на шесть рейнских флоринов,<sup>53</sup> желая, чтобы камень достался ему.

Порешив на этом, они снова приступили к Якову, и Лжемарвилец заговорил так: «Душа моя Яков, ты, конечно, понимаешь, что мы могли бы, если б захотели, отнять у тебя камень, но мы этого не хотим; однако если ты не перестанешь упрямяться и не согласишься продать камень, у нас не останется иного выхода. Пораскинь-ка умом и, мой тебе совет, соглашайся продать камень добром, не дожидаясь, пока у тебя его отнимут силой, а то как бы не пришлось тебе худо. согласишься – получишь два золотых экю от меня, три – от этого господина и шесть золотых флоринов – от другого. Ну что, довольно тебе этого?» Яков же в ответ твердит, что не продаст камень, пусть его хоть на кусочки режут. Не такой, мол, это камень, чтобы его продавать за гроши. И снова давай рыдать и стелать, да так, будто вот-вот умрет. Марвилец притворился, будто ужасно сердит, и говорит ему: «Не продашь камень, так мы и сами его возьмем, а с тобой расправимся и никто знать не будет, куда ты подевался». Снова отвел он в сторонку Николя с приятелем и говорит им: «Вот видите, за такую цену мы камня не получим. У меня-то, сами знаете, больше двух экю и нету. Но если вы одолжите мне еще, я, как сказал, верну в Болонью, и все равно камень понесет тот, кто даст больше других, чтобы все было по справедливости». – «Ей-богу, – говорит приятель мессира Николя, – я уж и так пообещал чуть ли не все свои деньги, но готов дать еще, пусть будет четыре экю». – «Ну и я, – говорит мессир Николь, – прибавлю пару флоринов, и того будет восемь, лишь бы поскорее получить камень». Очень уж разохотился будущий кюре и очень уж ему хотелось нести камень самому. «Вот это дело», – обрадовался лжемарвилец.

Вот они снова обратились к Якову и сказали, что так или иначе камень должен перейти к ним в руки, да велели показать его. А лжемарвилец стал угрожать ему и увещевать, чтобы тот поскорее уступил, не то ему не поздоровится. «Вот я даю тебе два золотых экю, а этот господин –

<sup>53</sup> *Рейнские флорины* – синоним гульденов, золотой высокопробной монеты, чеканившейся в средние века в немецких землях.